
ЛЕНИН. НАСИЛИЕ И ТЕРРОР

*Краус Тамаш — доктор философии,
профессор, Будапештский
университет (Венгрия)*

Со времени распада СССР представители различных направлений в исторической науке пытаются путем «деконструкции» структуры «историче-

ского повествования» втиснуть все наследие Ленина в нарратив насилия и террора.

В действительности у Ленина не было специальной теории насилия и террора, хотя его взгляды и действия в этой области могут быть реконструированы с необходимой полнотой. В конце XIX — начале XX в. революционеры не отрицали неизбежности насилия в процессе революционных изменений. Ленин был знаком с теоретическими рассуждениями, которые сформулировал Энгельс в полемике с Дюрингом, который тоже признавал определенную роль насилия, но лишь со свойственной ему осмотрительностью, что вызвало заметный гнев Энгельса. «Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие - к сожалению, изволите видеть, ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции».¹

Таким образом, Ленин унаследовал ту концептуальную основу, согласно которой источники насилия в истории выводятся из экономических противоречий, противоположности интересов, классового угнетения в современном обществе. Конечно, история XX в. показывает, что существует огромная разница между теоретическим подходом к насилию и его практическим применением. В этой связи определяющую роль сыграло то, что в ходе борьбы за власть во время гражданской войны в России столкнулись такие непримиримые политические и социально-экономические интересы, теоретические и культурные традиции и «логики», которые концентрированно вызвали к жизни самые ужасные формы насилия. Политическая классовая борьба велась в России до самых крайних пределов. Однако революция не только не принесла прекращения насилия и террора, но и распространила его применение в самых различных формах и с различным содержанием, не говоря уж о дальнейшей, одно- временно сложной и ужасной истории насилия.²

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. In: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. М., 1961. С. 189.

² Об этой истории см. наш сборник: GULAG. A szovjet táborrendszer története. Tanulmányok és dokumentumok. Szerk.: Krausz Tamás. Pannonica. Budapest, 2001.

В незаконченной работе *Молодой Ленин* Л.Б. Троцкий верно отметил, что Ленин в течение нескольких лет разработал взвешенную точку зрения, касающуюся террора,³ суть которой в том, что обычно террор является лишь вспомогательным средством политической и вооруженной борьбы и должен применяться только в крайнем случае. Уже после поражения восстания 1905 г. Ленин рассматривал террор и всякие партизанские акции в качестве средства вооруженного восстания и связывал его с государственной тиранией. Классическим воплощением этой позиции этого стала написанная в августе 1906 г. статья *К событиям дня*. Название статьи действительно выражает ее суть, поскольку Ленин высказал свое мнение о терроре как технике политической и вооруженной борьбы в связи с такими событиями, как нападения на полицию в Варшаве и других польских городах, покушение на Столыпина и успешная акция, в ходе которой эсерка З.В. Конопляникова 13 августа 1906 г. убила генерала Г.А. Мина, руководившего кровавым подавлением московского вооруженного восстания. Ленин считал, что политическая необходимость в таких выступлениях определяется тем, как, благоприятно или неблагоприятно для социалистов, они влияют на «настроение масс». Он утверждал, что вооруженные партизанские выступления допустимы как метод борьбы с самодержавием, с государственной тиранией, но отвергал их как метод «экспроприации частных имуществ», поскольку революция воюет не с отдельными лицами, а с режимом, поэтому, как отметил Ленин, партия в принятой на съезде резолюции правильно «отвергает совершенно экспроприацию частных имуществ», признавая при этом «неизбежность активной борьбы против правительственного террора и насилий черносотенцев», включая «убийство насильников» и захват оружия полицейских и вообще «оружия и боевых снарядов, принадлежащих правительству».⁴

Год спустя, уже после победы контрреволюции, Ленин, обобщив накопленный опыт, считал, что террористический ответ на террор властей только усугубил бы масштабы поражения. По его мнению, в т.н. мирное время применение террористических средств было бы бессмысленным и вредным с точки зрения революционной борьбы, массового движения. В конце III конференции РСДРП, проходившей в г. Котке (Финляндия) 21–23 июля (3–5 августа), на заседании большевистской фракции Ленин и Рожков сделали заявление, в котором отвергали *метод террора*. В сложившейся тогда ситуации метод террора был нецелесообразным, поскольку, как говорилось в заявлении, «сейчас единственным методом борьбы должна являться научная пропаганда и Государственная дума как агитационная трибуна». Ленин и

³ См.: Trotsky L. Young Lenin. New York, 1972. Наша ссылка дана по русскому переводу этой книги: Троцкий Л. Дневники и письма. Под ред. Ю. Фельштинского. Harvard, Houghton Library, Hermitage, 1986. С. 190–191.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 13. С. 366–367.

Рожков даже грозили уходом из партии, если их товарищи отклонят их заявление.⁵

Стихийность и организованность

В новой исторической науке уже обращалось внимание на то обстоятельство, что революционная перестройка 1917 года проходила в различных социальных плоскостях с применением различных средств и при участии социальных слоев, располагавших различным культурным уровнем и психологическо-ментальными характеристиками. Начиная с 1914 г., значительные социальные группы населения были затронуты определенным культом насилия.⁶ Не приуменьшая значения специфических российских традиций насилия как «благоприятной почвы» для его проявления в будущем,⁷ нужно сказать, что основным источником современного насилия была сама мировая империалистическая война, расшатавшая и без того колебавшиеся институты и структуры социального сотрудничества и морально освободила и высвободила убийственные инстинкты, после чего средства, применявшиеся «общинной революцией», легко распространились при посредничестве вооруженных солдат из крестьян.⁸

Таким образом, в период гражданской войны советская власть не получала «снизу», со стороны своей непосредственной социальной базы импульсов, которые *ограничивали бы применение насилия*. В свою очередь, развертывание монархистской военной контрреволюции лишь усиливало применение насилия новой властью как важнейшее средство ее выживания. Собственно говоря, контрреволюция, по крайней мере, в историческом аспекте, является частью революции. Уже в феврале–марте 1917 г. во многих крупных городах прошли уличные бои, а затем последовали июльские дни, корниловское восстание, стихийные крестьянские восстания, а осенью – октябрьский захват власти большевиками в Петрограде и Москве. Вслед за этим революция пронеслась по всей России. И все же психология гражданской войны зародилась не в вооруженных столкновениях 1918 г. и не в иностранной интервенции, а в царистском режиме, в течение столетий угнетавшем народы, и в потоках крови I мировой войны. На этой «благодатной» для насилия почве выросли насилие и тер-

⁵ В.И. Ленин. Известные документы. С. 27.

⁶ См.: Булдаков В. Красная смута.

⁷ См. Евреинов Н. История телесных наказаний в России. СПб. 1913.

⁸ Buharajev V. 1917 – Az obscsina-forradalom pittuszi gyözelme. In: 1917 és ami utána következett. P. 47–48. Характеризуя традиционный крестьянский образ жизни, автор пишет о том, что в 1917 г. реализовывались соображения этики выживания: Крестьяне стремились защитить от насилий «своих» помещиков, новых помещиков, конечно уже не щадили. Сельская община была беспощадна с теми, кто использовал землю не в традиционных целях натурального хозяйства, а ждал от нее прибыли, с купцами, банками и всеми, кто непосредственно не занимался обработкой земли. Там же.

пор послеоктябрьской эпохи с характерными для них средствами и институтами. Следовательно в причинно-следственном аспекте революция была не причиной, а скорее следствием насилия.⁹ Среди причин революции решающую роль играла мировая война.

После взятия власти теоретической и политической основой позиции Ленина было то, что слабость и нерешительность новой власти может лишь увеличить силу и шансы старых правящих классов, их контрреволюционного сопротивления. Ленин считал смешным, что в первые недели, месяцы после революции большевики отпустили под честное слово не только нескольких министров Временного правительства участников юнкерского бунта 29-го октября, но и самого жестокого, позже активно поддерживавшего фашистов казачьего генерала Краснова, который, вместе со многими юнкерами, немедленно продолжил вооруженную борьбу с советской властью.

Ленин, конечно, видел, что эскалация террора трояко коренилась в российской действительности. В России 1917 г. уже чувствовались наследие первой мировой войны и обострение внутренней классовой борьбы, зародился вирус гражданской войны на взаимное уничтожение. В наши дни при изучении истории послереволюционного террора многие, в соответствии с новым канонем, забывают о том, что генерал-монархист Л.Г. Корнилов уже в январе 1918 г. дал Добровольческой армии приказ «пленных не брать».¹⁰ Это был уже тот голос террора, который предвещал повседневные ужасы гражданской войны, выход террора из-под контроля.¹¹ Процесс эскалации насилия определялся не какими-либо предварительными теориями, его нельзя было предвидеть в его уникальности. В нем в комбинации, обусловленной конкретными обстоятельствами, сочетались русская революционная традиция (например, «пугачевщина») и определенные составные части марксистской теории (например, «диктатура пролетариата»).

Не отрицая роль кровопролития в традиции бунтов против самодержавной вла-

⁹ Из революции, из некоей необъяснимой болезненной мании власти, присущей Ленину и большевикам, выводит красный террор Ю.Г. Фельштинский, сотрудник Архива Троцкого Хогтонской библиотеки Гарвардского университета, получивший известность еще в 1980-е гг. Фельштинский Ю.Г. О терроре и амнистиях первых революционных лет. In: ВЧК—ГПУ. Документы и материалы. (Ред. Ю. Г. Фельштинский). Изд-во гуманитарной литературы. М., 1995. С. 3–25.

¹⁰ Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов. Л., 1989. С. 233.

¹¹ В уже упомянутой работе В. И. Миллер отметил, что насилие и террор пустили такие глубокие корни во время гражданской войны, что их «воздействие» чувствовалось и десятилетиями позже в таких событиях, как уничтожение польских офицеров в Катыни или, например, в акциях власовцев и красновцев, действовавших в составе Вермахта. См. Миллер В.И. Осторожно: история! С. 62.

сти, имеет смысл вспомнить точку зрения Бакунина, которое в другой форме появилась среди ценностей различных революционных течений, в том числе и среди ценностей, которым следовал Ленин. В прокламации *К офицерам Русской армии*, написанной в женевском изгнании в январе 1870 г., в год рождения Ленина (Ленин, видимо, был знаком с этой прокламацией), Бакунин утверждал, что, несмотря на неизмеримые страдания народа, в ходе освободительной борьбы почти не будет кровопролития, если армия выступит на стороне народа. В этом случае «будет только поголовное изгнание за пределы России всех дармоедов и белоручек». «Стенька Разин, – продолжал Бакунин, – который поведет народные массы в будущем, столь явно приближающемся разгроме Всероссийской Империи, будет не богатырь одинокий, а Стенька Разин коллективный».¹² В 1917 г. этот «коллективный Стенька Разин» воплотился в крестьянских восстаниях, в Ленине, в Красной армии и ЧК. Конечно, теория, которой Ленин оправдывал революционное подавление, восходила не к бакунинским источникам. Диктатура пролетариата как специфический способ отправления власти возникла и стала «материальной силой» в сфере притяжения массовой демократии, причем, как мы видели, с целью сломить сопротивление правящих классов и создать режим непосредственной демократии. В конечном итоге источник проблемы состоял в том, что *подавление* осуществлялось не только по отношению к правящим классам, но и, как было описано выше, по отношению ко всем, кто по каким-либо причинам выступил против распоряжений новой власти. Мы видели и то, как параллельно с углублением террора и насилия постепенно сходилась с повестки дня, превращалась в теоретический или конституционно-правовой вопрос задача расширения непосредственной демократии. Несмотря на то, что Ленин не желал утонуть в водовороте мер по сохранению власти, перерождение великих целей с самого начала было реальной опасностью. Ленин буквально с первого дня революции находился в Кремле как бы на военном посту. Он постепенно усвоил т. н. военное поведение, соответствовавшее чрезвычайной ситуации, хотя, конечно, располагал точными знаниями о неизбежности применения и функциях террора в ходе французской революции или гражданской войны в США. Многие о возникшем положении выясняется из двух телеграмм, отправленные Лениным в первое послереволюционное время. Первая из них была написана 13 (24) января 1918 г.: «Харьков. Народный секретариат, Штаб Антонова, Орджоникидзе. Москва. Главнокомандующему Муралову, Президиуму Совдепа. Мы получили сообщение, что между Орлом и Курском образовался затор, мешающий движению поездов с углем и хлебом. Всякая остановка грозит голодом и остановкой промышленности. Подозреваем саботаж же-

¹² Бакунин М. А. К офицерам Русской армии. In: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. «Археографический центр». М., 1997. С. 280, 281.

лезнодорожников в этом месте, ибо там не раз бывали случаи саботажа. Настоятельно просим принять самые беспощадные революционные меры. Просим послать отряд абсолютно надежных людей. Всеми средствами продвигать вагоны с хлебом в Петроград, иначе грозит голод. Сажайте на паровозы по несколько матросов или красногвардейцев. Помните, что от вас зависит спасти Питер от голода. Ленин».

Два дня спустя Ленин снова «умолял» Антонова-Овсеенко и Орджоникидзе: «Ради бога, принимайте *самые* энергичные и *революционные* меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно. Ради бога!». ¹³

Как уже говорилось выше, основные вопросы, как, например, сбор и транспортировка хлеба, можно было решить лишь военными методами, точнее говоря, в данной ситуации невозможно было обойтись без военных методов, следовательно, Ленин под влиянием обстоятельств начал действовать так, как «принято» на военном положении, и вынужден был импровизировать. На его решения в значительной степени влияли такие разнородные факторы, как недостаток информации, боязнь падения режима, раскрытие настоящих или мнимых заговоров, формирование военной контрреволюции и т.д. ¹⁴ Друг рядом с другом сосуществовали стихийно образовавшиеся народные органы, как, например, Военно-революционный комитет (из которого – отчасти вскоре была создана ЧК) и местные советы, с одной стороны, и органы централизации с СНК на вершине, который в принципе был подотчетен ВЦИК, а точнее – Всероссийскому съезду советов, – с другой стороны. В то же время сохранялся сильные патерналистские отношения, на которые смогла опереться власть Центра, более того, личная власть Ленина. Наличие этих различных уровней власти породило своеобразный хаос. Первые решения властей также показывают, что Ленин был вынужден действовать в таких неожиданных ситуациях, о которых едва ли думал раньше. Уже в первые дни революции он столкнулся с проблемой алкоголизма, дезорганизовавшей и часть красногвардейских частей. Хорошее вино и спирт он намеревался продать за границу, чтобы «не отравлять» и не деморализовать местное население. ¹⁵ Скоро сложилась и практика взятия заложников, ¹⁶ а также заключения органи-

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 29, 30.

¹⁴ Это доказывается ныне уже огромным архивным материалом. Из новых публикаций см., например: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т.1. Ч. 1. ИРИ РАН, The Edwin Mellen Press, N. Y., London, Canada, 2000. Естественно, Ленин тоже получил первые обзорные донесения ЧК-ОГПУ, из которых явствовало, что для широких кругов населения характерно сопротивление советской власти или скорее неопределенное недовольство из-за голода, хаоса и нестабильности.

¹⁵ Так, в записке в Военно-революционный комитет он спрашивал: «Есть ли бумажка от Военно-революционного комитета, чтобы спирт и вина не выли-

зованной оппозиции в концентрационные лагеря как средство и метод «временной изоляции от общества», возникший во время первой мировой войны и даже еще ранее, в период англо-бурской войны.

На эскалацию насилия и террора указывали и другие явления. Огромное возбуждение вызвали террористические акты против деятелей советской власти. К числу наиболее ярких примеров относится убийство одного из руководителей петроградских большевиков В. Володарского, позже, 30 августа 1918 г., был убит председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий, и в тот же день эсерка-фанатичка Ф. Каплан совершила известное покушение на Ленина. Отвечая на «белый контрреволюционный террор», ВЦИК 2 сентября 1918 г. принял резолюцию, напечатанную на следующий день в *Правде*. В резолюции говорилось, что «на белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и её агентов». Ленин теоретически и практически выступал за массовый, устрашающий террор *государственного* характера. В то же время он по-прежнему отвергал индивидуальный террор, личную месть, считая их бесполезными и бессмысленными. Можно считать символичным случай со служащей Царицынского жилищного отдела Валентиной Першиковой, которая была арестована в марте 1919 г. за разрисовку портрета Ленина, вырванного из какой-то брошюры. Начальник одного из участков царицынской милиции В.С. Усачев и красноармеец Минин обратились к Ленину с просьбой об освобождении Першиковой, в ответ на которую Ленин послал председателю губернской ЧК следующую телеграмму: «За изуродование портрета арестовывать нельзя. Освободите Валентину Першикову немедленно, а если она контрреволюционерка, то следите за ней». На телеграмме сохранилась пометка Ленина о передаче всего материала фельетонистам.¹⁷ Множество документов подтверждает тот факт, что вождь революции даже в кульминационные периоды гражданской войны выступал против чекистских и бюрократических злоупотреблений, совершенных в ущерб «маленьким людям». Вот одна из иллюстраций этого факта. 29 марта 1919 г. Ленин направил Череповецкому губисполкому следующую телеграмму: «Проверьте жалобу Ефросины Андреевой Ефимовой, солдатки дерев-

вались, а тотчас были проданы в Скандинавию? Написать ее тотчас». 9(22) ноября 1917 г. ВРК принял соответствующее решение: «Реквизированное вино (30 000 ведер) вывезти за границу». Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 5, 403.

¹⁶ В записке наркому продовольствия А.Д. Цюрюпе, написанной 10 августа 1918 г., Ленин писал: «Я предлагаю „заложников“ не брать, а назначить поименно по волостям. Цель назначения: именно богачи, как они отвечают за контрибуцию, отвечают жизнью за немедленный сбор и ссыпку хлеба. Инструкция такая (назначить „заложников“) дается а) комитетам бедноты, б) всем продотрядам...». Там же. С. 145.

¹⁷ Там же. С. 267, 474–475.

ни Новосела, Покровской волости, Белозерского уезда, на отнятые у неё хлеба в обший амбар, хотя у неё муж в плену пятый год, семья – трое, без работника. Результат проверки и ваших мер сообщите мне».¹⁸

В мышлении и политике Ленина массовый террор времен гражданской войны был самым крайним средством борьбы с врагами, которое он применял в зависимости от конкретных дел, случаев, ситуаций или применения которого он иногда напрасно добивался.¹⁹ В иных ситуациях, однако, он критиковал применение террора и насилия, мотивированных политическим, властным расчетом и социальными, классовыми соображениями. Он часто требовал ограничения применения террора, больше того, прекращения конкретных злоупотреблений властью и наказания виновных сотрудников ЧК. Так, например, в телеграмме М.И. Лацису от 4 июня 1919 г. с ужасом протестовал против положения в ЧК на Украине: «Каменев говорит – и заявляет, что несколько *виднейших чекистов* подтверждают, – что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы *слишком рано* и впустив в себя массу примазавшихся. ... Надо подтянуть во чтобы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся».²⁰ Ленин знал, что и большинство в ЧК составляют полуграмотные, политически неподготовленные молодые люди, включая таких «случайных карьеристов» и «безыдейных» людей, которые появляются везде, где надеются найти власть и материальную обеспеченность.

Таким образом, насилие было не только продуктом прошлого, мировой и граж-

¹⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 272, 476–477.

¹⁹ Письмо Г.Е. Зиновьеву, а также Лашевичу и другим членам ЦК от 26 июня 1918 г.: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские чекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. ... Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоеенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает». Там же. С. 106. Телеграмма И.В. Сталину в Царицын. 7 июля 1918 г. в 1 час ночи: «Сегодня около 3-х часов дня левый эсер убил бомбой Мирбаха. Это убийство явно в интересах монархистов или англо-французских капиталистов. Левые эсеры, не желая выдать убийцу, арестовали Дзержинского и Лациса и начали восстание против нас. Мы ликвидируем сегодня же ночью беспощадно и скажем народу всю правду: мы на волосок от войны. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров». Там же. С. 114.

²⁰ Там же. С. 338. См.: Фельштинский Ю.Г. О терроре и амнистиях. С. 19.

данской войны,²¹ но и неотъемлемой частью становления нового строя. Лучше всего это выразилось в том факте, что единственным возможным средством для обуздания самоуправства новой бюрократии тоже была угроза насилия, ведь на создание нового правового порядка ушли позже еще целые годы. Например, в апреле 1919 г. в Княгининском уезде местные власти принуждали крестьян к вступлению в артели и коммуны, что от имени СНК было категорически запрещено Лениным, защищавшим крестьянство, образовывавшее хребет Красной армии: «Недопустимы какие бы то ни были меры принуждения для перехода крестьян к общественной обработке полей. Неисполнение этого будет караться со всей строгостью революционного закона». 10 апреля 1919 г. в газете *Известия ВЦИК* было опубликовано циркулярное письмо, подписанное Лениным и наркомом земледелия С.П. Середой. Вот полный текст этого письма: «В Наркомзем поступили сведения, что в целях организации советских хозяйств, коммун и других коллективных объединений земотделы, упсовхозы отбирают поступившие в пользование крестьян земли нетрудовых владений, вопреки смыслу статьи 9 Положения о социалистическом землеустройстве. Подтверждается недопустимость подобных явлений. Все земли, находящиеся ко времени опубликования Положения о социалистическом землеустройстве в трудовом пользовании крестьян и предоставленные им на основании постановлений или инструкций уездных или губернских земотделов, никоим образом не могут быть отчуждаемы принудительным путем для организации советских хозяйств, коммун и прочих коллективных объединений. Изъятие земель из пользования крестьян для указанных организаций допустимо лишь при добровольном согласии, в порядке землеустройства. Недопустимы меры принуждения для перехода крестьян к общественной обработке, в коммуны и другие виды коллективного хозяйства. Переход к коллективным формам осуществляется лишь при точном соблюдении требований Положения, без всяких принуждений со стороны власти. Неисполнение настоящего распоряжения карается по законам революционного времени. Возможно шире осведомите население о настоящем распоряжении».²²

Под влиянием Эскалации террора Ленин, – хотя это и замалчивается историками типа Д.А. Волкогонова, Р. Пайпса и Ю.Г. Фельштинского, – был вынужден из властных соображений навести порядок в деятельности ЧК и трибуналов, не исполнявших

²¹ В обостренной исторической ситуации была использована и такая форма массового террора, как распространившиеся во время мировой войны «концентрационные лагеря» (конечно, не тождественные сталинским, а тем более – гитлеровским): «Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 143–144.

²² Там же. С. 381, 495.

законы и предписания. Во время гражданской войны ведомственные организации могли совершать аресты на основании доносов, без всяких предварительных доказательств. Ленина приводила в гнев открытая бесчеловечность созданных по его инициативе административных властей и органов внутренних дел. Это подтверждается множеством документов, однако вместо их перечисления²³ целесообразнее показать некоторые шаги, предпринятые Лениным для укрощения вышедшего из-под контроля террора, и его позицию по этому вопросу, что, быть может, позволит сделать и некоторые теоретические выводы.

В начале 1922 г. с реорганизацией ЧК и созданием официального *ведомства*, ГПУ, последнему были поставлены задачи защиты советской власти и власти Коммунистической партии, устрашения, вытеснения и административной ликвидации политической оппозиции.²⁴ На повестку дня было выдвинуто определение правовых рамок террора, что может восприниматься как своего рода юридическое обобщение опыта гражданской войны и появления новой ситуации. Параллельно с прекращением репрессий периода военного коммунизма Ленин искал и в своеобразной форме нашел возможности обуздания влияния новой буржуазии. В мае 1922 г. в связи с формированием революционного правового порядка он решительно высказался за прекращение произвола и «узаконение террора». По поводу проекта Уголовного кодекса РСФСР Ленин писал Д.И. Курскому, что необходимо «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть и оправдание* террора, его *необходимость, его пределы*. Из замечаний Ленина выясняется, что он стоял за ужесточение мер против политической оппозиции (особенно если речь шла о связи с «международной буржуазией») вплоть до расширения применения «высшей меры наказания» и в то же время «релятивизировал» эту меру, добавив, что она может быть заменена, «высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа». ²⁵ Таким образом, в свете этого видно основное направление деятельности Ленина. Из сформулированных им документов однозначно выясняется, что крупномасштабное наступление на священников, церковь и буржуазную интеллигенцию, осуществленное в 1922 г., было своего рода «завершением» гражданской войны, изоляцией, изгнанием тех политических противников, которые во время гражданской войны поддерживали из тыла белогвардейцев, монархическую контрреволюцию, антисоветский лагерь и после их поражения сохранили

²³ Можно сослаться, например, на письма Н. П. Брюханову от февраля 1919 г. и на телеграмму Ярославскому губисполкому. Там же. С. 260, 256.

²⁴ Партийные документы, связанные с организацией ОГПУ, см. в кн.: Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. (Под ред. А.Н. Яковлева). МФД. М., 2003. С. 10–27.

²⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 189–190.

важные позиции в духовной и политической жизни советского общества. В то же время стало очевидным складывание того катастрофического комплекса взглядов, согласно которому всякая политическая оппозиция причислялась к лагерю контрреволюции.

Донесения ОГПУ о настроениях масс в первую очередь и в основном выражали не, пользуясь словами Теренса Мартина, «глубокое недоверие советского руководства по отношению к народу, боязнь возникновения стихийных беспорядков».²⁶ Эти документы скорее или в первую очередь выражали то противоречие, что Ленин и советские руководители в то время очень хотели и в то же время не могли, были неспособны соответствовать намеченным ими же целям, не смогли преодолеть те социальные и исторические предпосылки, из которых выросла сама революция.²⁷

Волна репрессий 1922 г.: завершение гражданской войны

Необходимо напомнить читателю о том, что с лета 1918 г. Ленин видел главный источник террора в интервенции западных держав. Лишь для примера сошлюсь на политический доклад ЦК, сделанный Лениным на VII Всероссийской конференции РКП(б). В этом докладе Ленин, отвечая на западную критику, обвинявшую советскую власть в терроризме, особо остановился на проблеме террора и заявил: «До сих пор больше всего мелкая буржуазия в Европе обвиняла нас в нашем терроризме, в нашем грубом подавлении интеллигенции и обывателя. На это мы скажем: „Все это навязали нам вы, ваши правительства“. ... Это был настоящий террор, когда против страны, одной из наиболее отсталых и ослабленных войной, объединились все державы. ... Наш террор был вызван тем, что против нас обрушились такие военные

²⁶ См.: «Совершенно секретно». С. 22.

²⁷ Ежемесячные обзоры ОГПУ, информировавшие советское руководство о настроениях населения, представляли собой новую форму экономической и политической информационной деятельности органов государственной безопасности, появившуюся во второй половине 1921 г. Эти обзоры подготавливались на основе информации областных – губернских органов безопасности и милиции, а также государственных, партийных и профсоюзных организаций. Обзоры, конечно, посылались и Ленину и в хронологически систематизированной форме хранились в его архиве. Третья Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий (июнь 1919 г.) возложила ответственность за сбор политической информации на Секретный отдел ВЧК. В декабре 1921 г. в составе нового Секретно-оперативного управления был создан Информационный отдел (ИНФО). Эта система была еще более усовершенствована при создании ГПУ. В обзорах «следовало отражать настроение „всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений“, в частности связанных с мероприятиями советской власти...». Виноградов В. К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества. In: «Совершенно секретно». С. 31, 33, 43, 45 и далее.

силы, против которых нужно было неслыханно напрягать все наши силы». С другой стороны, он указал на то, что мелкая буржуазия, средние элементы, интеллигенция с большим трудом переносили тяжесть гражданской войны, поскольку «они десятки лет были привилегированными, но мы должны в интересах социальной революции эту тяжесть возложить и на них». А перенесение этих тягот в интересах победы в гражданской войне требовало, как подчеркнул Ленин, «строжайшей военной дисциплины».²⁸

В объяснении нуждается волна репрессий, поднявшаяся в 1922 г. и направленная на подавление сопротивления церковью, буржуазной интеллигенции и политической оппозиции. Прежде всего необходимо выяснить политические причины этих репрессий, ведь гражданская война к тому времени практически завершилась. Во-первых, несомненно, что фоном этой волны репрессий была боязнь социальных и политических следствий *новой экономической политики* в условиях международной изоляции, к тому же со свежим опытом военной интервенции западных держав. Появление новой буржуазии, восстановление рынка и других элементов капитализма, а также связанные с этим социальные, культурные и идеологические конфликты (более конкретно мы остановимся на них позже) породили чувство страха и неопределенности, охватившее руководителей, членов и симпатизантов партии большевиков. Конкретной причиной этого страха было то, что различные силы, противостоявшие советской власти, могли объединиться, так как НЭП, с одной стороны, открывал перед ними более широкие возможности, а с другой стороны, порождал те социальные элементы, которые были способны или казались способными свергнуть советскую власть.²⁹ Ныне нелегко понять этот страх, однако в этом может помочь исторический подход. Далее, психоз большевиков, связанный с боязнью потерять власть, получил новые импульсы в исторической ситуации, сложившейся после победы в гражданской войне.³⁰ Белые армии и армии интервентов были разгромлены на полях сражений граж-

²⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 354–356.

²⁹ В своих статьях и прочих документах Ленин и Троцкий часто ссылались *expressis verbis* на то, что НЭП объективно создал «новых» социальных и политических противников советского режима. Об этом свидетельствует написанное тогда письмо Троцкого о взаимоотношениях между партией и государством: Пометка на письме Л.Д. Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б). In: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 513–514. В связи с церковью и высылкой групп интеллигенции см.: там же. С. 515–523, 544–547, 550–559.

³⁰ Как мы видели, конкретные события и определенный «психоз» были связаны и с введением красного террора летом 1918 г., это отразилось, например, и на судьбе царской семьи. Судьба царя сложилась иначе, чем планировалось заранее, большую роль в ней сыграли спонтанные элементы. Казнь царской семьи (17 июля 1918 г.) обычно служит в современных работах доказательством «кроважности» Ленина, хотя Ленин и советское руководство собира-

данской войны, однако большевистские руководители считали, что военное поражение контрреволюции не повлекло за собой ее полного политического поражения. По их мнению, нетронутой осталась тысячелетняя опора монархии, русская православная церковь с ее организацией и духовно-политическим влиянием, а кроме этого, выжили и контрреволюционные партии, готовые к свержению руководимой большевиками советской власти.

Наиболее дестабилизирующим фактором, составлявшим фон этого психоза, был ужасный голод 1921–22 гг., затронувший примерно 20 миллионов человек. По некоторым данным в результате страшной засухи умерло, в основном в Поволжье, более 5 миллионов человек. Это событие легко могло подорвать легитимацию власти коммунистической партии и её социальных целей и оторвать советскую власть от ее социального базиса. Продолжительный голод и стихийные бедствия с очевидностью показали советским руководителям, в том числе и Ленину, что в длительные лишения изменяют психологию, мировидение людей, их отношение к власти и интеллектуальные возможности. Наряду с энтузиазмом и настоящим героизмом, у очень многих людей наблюдалась деградация личности, на что в свое время обратил внимание и всемирно известный врач, профессор В.М. Бехтерев. Многих доводили до отчаяния борьба с голодом, страдания, «естественность голодной смерти», «благоприятствовавшие» распространению преступности, болезней, эпидемий и сокращению работоспособности.³¹

Начиная с 1916 г. проблема голода была наиболее жгучей для всех российских

лись обнародовать преступления царя на открытом судебном процессе. Этот процесс не состоялся по политическим причинам. Между прочим, нет никаких прямых доказательств того, что Ленин лично дал указание о казни царской семьи. Решение было принято в зависимости от актуальной политической и военной ситуации, так как возникли опасения, что царь и его наследники будут освобождены и станут эмблематичными фигурами контрреволюции. Вскоре после казни белые действительно заняли Екатеринбург. Документ о казни был подписан председателем Исполкома Уральского совета А.Г. Белобородовым в Екатеринбурге, где содержалась под стражей царская семья. Этот документ оповещал общественное мнение о том, что «Президиум Областного совета постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова. В ночь на 16 июля 1918 г. приговор приведен в исполнение». Содержавшаяся в документе ссылка на царскую семью была вычеркнута от руки, поскольку и уральские большевики считали необходимым умолчать о казни детей, собственноручно говоря, стыдились ее, как не упоминалось о ней и позже в советской исторической науке. Документ о казни уже давно хорошо известен, так как его разборчивая цветная фотокопия была опубликована несколько десятилетий назад в кн.: *Bildung der Russischen Revolution*. Berlin–Frankfurt/M, 1978; репринт 1979. Р. 179.

³¹ О голоде см.: Илюхов А.А. Жизнь в годы перемен. Особенно с. 184–185.

властей, а в 1919 г. она расширилась до масштабов международного конфликта. Создание весной 1919 г. т.н. Нансеновской комиссии под эгидой Красного креста свидетельствовало о том, что голод в России считался катастрофой европейского масштаба. Ленин приветствовал инициативу Ф. Нансена, норвежского исследователя Арктики, стремившегося помочь голодающим, но в то же время показал, как державы, участвующие в интервенции, обратили его гуманитарные цели против советской власти. В мае 1919 г. Нансен передал Ленину ответ правительств стран Антанты, в котором помощь голодающим обуславливалась приостановкой военных действий на территории России. При этом в ответе не говорилось о том, что эти военные действия велись главным образом именно «благодаря» державам Антанты. Ленин предлагал направить Нансену ответ советского правительства, в котором разоблачалось бы лицемерие держав Антанты, но с благодарностью принималась бы международная помощь, организуемая Нансеном³²

В 1921 г. проблема голода встала иначе. В июле 1921 г. представители находившейся в оппозиции к большевикам интеллигенции, известные противники советской власти создали первую комиссию помощи голодающим в рамках сотрудничества с советской властью. Ленин, как и в 1919 г., ясно понимал, что гуманитарная катастрофа может подорвать легитимацию новой власти. С точки зрения вопроса о власти получалось, что проблему голода желают «решить» политические силы, навязавшие России гражданскую войну и международные политические группировки, инициировавшие интервенцию, то есть великие державы, находившиеся в состоянии войны с Советской Россией, финансировавшие белых генералов и ответственные за голод в стране.³³ Следовательно, проблема голода в значительной степени являлась фоном для новой волны репрессий, той «средой», в которой она разворачивалась.

В конечном итоге, чтобы понять причины репрессий, необходимо принять во внимание, что русская революция не является исключением в ряду остальных революций в том смысле, что политическая борьба в ней не закончилась до тех пор, пока не было сломлено влияние социальных слоев, поддерживавших старый режим. Если обратиться к истории французской, английской или американской революции, то можно видеть, что везде состоялась расправа со сторонниками старого режима. В

³² Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 304–306.

³³ Секретарь ИККИ Я.А. Берзин, бывший в то время полпредом РСФСР в Швейцарии, в интересах более положительной международной оценки страны считал неправильным арест членов комитета. Ленин в личном письме Берзину дал на это грубый ответ, заметив, что Ж. Нулансу, бывшему французскому послу в России, который в 1921 г. был председателем Международного комитета помощи России по борьбе с голодом, именно для сохранения международного престижа «надо было дать в морду». См.: В. И. Ленин. Известные документы. С. 468.

своеобразных российских условиях положение осложнялось тем, что в ходе гражданской войны движущие силы нового строя, прежде всего городской рабочий класс, постепенно ослабевали, что отразилось на хрупкости новой политической власти, на уязвимости ее социальной базы.

Изъятие церковных ценностей и голод

Волна репрессий, возникшая на указанной выше основе, пронеслась по социальным группам и институтам, связанным со старым режимом. Под давлением конкретных обстоятельств коммунистическая партия, защищая свое политическое и идеологическое господство, желала освободиться от тех руководящих фигур политической оппозиции, о которых можно было предположить, – в том числе и по опыту гражданской войны, – что они не заинтересованы в политическом (и идеологическом) компромиссе или просто не пойдут на такой компромисс. В конце концов, волна репрессий стала предупреждением внутренней политической оппозиции и Западу, демонстрировавшим силу советской власти и ее решимость не останавливаться на выбранном пути при сохранении властной монополии коммунистической партии.³⁴

Ленину и большевикам казалось, что наиболее значительная роль в сопротивлении новой власти принадлежала *православной церкви*. Бывшие советские исследователи, как, например, Н.Н. Покровский,³⁵ рассматривают весь акт экспроприации (изъятия, конфискации) церковных ценностей советской властью и вообще отношение большевиков и Ленина к церкви в качестве *моральной и правовой* проблемы. С одной стороны, Покровский говорит о существовании январского декрета 1918 г., лишившего религиозные организации права на собственность. С другой стороны, он ретроспективно вступает в моральный спор с советскими политиками той эпохи, как

³⁴ В наши дни доступно огромное количество архивных материалов об изъятии церковных ценностей, что в значительной степени является заслугой А.Н. Артизова и его коллег. См.: «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. (Под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова). МФД. М., 2008. Сборник объемом в 800 страниц, содержащий основную документацию, касающуюся высылки интеллигенции, включает в себя 377 архивных документов. См еще: Артизов А.Н. «Очистим Россию надолго...». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. In: Отечественные архивы, 2003, № 1. С. 65–97. См. еще: иную интерпретацию истории „философского парохода»: Dmitrijeva N. A. Lenin és az orosz értelmiség: 1922. In: Eszmélet, № 76. P. 156–183.

³⁵ Н.Н. Покровский опубликовал документы об отношениях советской власти и церкви и в предисловии к публикации подробно проанализировал и обстоятельства изъятия церковных ценностей: Политбюро и церковь 1922–1925 гг. РОССПЭН. М.–Новосибирск, 1997. См еще: Покровский Н.Н. Источниковедение советского периода. Документы. Политбюро первой половины 1920-х гг. In: Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 18–46.

будто Ленин и большевики не приводили моральных аргументов, оправдывавших политическую ликвидацию православной церкви. Доступные ныне документы показывают характерные черты политической и идеологической позиции Ленина по данному вопросу.

Как мы уже неоднократно показывали, Ленин обдумывал все свои важнейшие политические решения в исторической перспективе, это относится и к репрессивным мерам. Быть может, не слишком известно, что Февральская революция не отделила церкви от государства. Между тем за долгие годы в широких слоях русского общества накопилась значительная неприязнь по отношению к государственной религии и государственной церкви, хотя старшие поколения по-прежнему поддерживали церковь. Церковь пережила гражданскую войну, оставаясь серьезным противником новой власти. В 1917 по численность духовенства, обычно поддерживавшего черносотенцев и белогвардейцев, превышала 200 тыс. человек. 20 января 1918 г. был принят подписанный Лениным декрет о свободе совести, провозгласивший и свободу от религии. Согласно этому декрету, в государственных школах прекращалось преподавание религиозных вероучений, церковный брак был заменен гражданским, а церковное имущество было объявлено «народным достоянием». Избранный после Октябрьской революции патриарх Тихон отвергал и осудил основные положения декрета. Больше того, в первую годовщину революции он направил в СНК обращение, в котором бичевал политику большевиков, Брестский мир и уничтожение господства частной собственности. Еще раньше, в январе 1918 г., он анафематствовал всех, кто имел отношение к актам «революционного самосуда». В этом смысле к числу подвергнутых анафеме относился и Ленин, хотя его имя не было названо. Под анафему подпадала и борец за эмансипацию женщин А.М. Коллонтай, руководившая попыткой реквизиции Александро-Невской лавры. По этому поводу Ленин заметил, что она попала в хорошую компанию вместе со Стенькой Разиным и Львом Толстым. Давно известно, что Ленин считал русскую православную церковь самой верной опорой царского самодержавия. Однако он никогда не отождествлял церковь с религией и наоборот. Мы уже упоминали о его взгляде на религию как «опиуме народа», но ныне мало известно, что он не намеревался ни запретить, ни сделать невозможным отправление религиозных обрядов, больше того, во время гражданской войны выступал против перегибов в этой области.³⁶ Однако, с другой стороны, он не смешивал с

³⁶ Несмотря на свою враждебность церкви и религии, Ленин в интересах политической целесообразности не раз выступал против местных перегибов, примером чего может служить его записка от 2 апреля 1919 г., адресованная представителю группы граждан Ягановской волости Череповецкого уезда В. Бахвалову. В ответ на переданную Бахваловым просьбу разрешить закончить строительство храма, начатое еще в 1915 г., Ленин писал: «Окончание

этим партийные дела. Он принципиально возражал против участия членов партии в церковных обрядах, считал недопустимой для них вероотправление. 30 мая 1919 г. в записке в Оргбюро ЦК Ленин писал: «Я за исключение из партии участвующих в обрядах».³⁷

После потоков крови, пролитой во время гражданской войны, Ленин хотел вытеснить церковную организацию, которую он называл «средневековой», на периферию политической и духовной жизни. Речь шла не только о том, что церковь с оружием в руках воевала против советской власти, но и о том, что большевики стремились добиться институционально оформленной культурной гегемонии, которая заменила бы прежнюю идеологическую монополию («старую культуру») православной церкви. В качестве первого шага было принято решение о быстрой ликвидации неграмотности, о культурном возвышении народных масс и «распространении новой, социалистической культуры».³⁸

Следовательно, зимой–весной 1922 г. Ленин, охваченный настроением «теперь или никогда», считал, что настало время для столкновения с православной церковью и патриархом Тихоном.³⁹ По его инициативе Совет Народных Комиссаров и высшие советские органы организовали сбор средств в помощь жертвам поволжского голода 1921–22 гг.,⁴⁰ в связи с этой мерой и было вынесено решение о конфискации церков-

постройки храма, конечно, разрешается; прошу зайти к наркому юстиции т. Курскому, с которым я только что созвонился, для инструкции». Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 273.

³⁷ Там же. С. 330.

³⁸ На место церкви Ленин думал поставить театр, который должен был стать институтом духовного и морального «обновления», «совершенствования» человека и общества, атеистического просвещения и передачи эстетических и цивилизаторских ценностей. Примерно так же он смотрел и на кинематограф, предназначая ему не просто агитационную функцию, а приблизительно ту социальную роль в коллективном воспитании и «самовоспитании», которую позже играло телевидение.

³⁹ См. «строго секретное» письмо Ленина Молотову от 19 марта 1922 г. В.И. Ленин. Незвестные документы. С. 518–519. В судьбе патриарха Тихона позже наступил резкий перелом, вместо проклятия советской власти он начал подчеркивать ее признание, что в свое время вызвало немалое удивление. Это хорошо отражается в дневниковой записи известного писателя М.А. Булгакова, сделанной 11 июля 1923 г.: «...Патриарх Тихон вдруг написал заявление, в котором отрекается от своего заблуждения по отношению к Соввласти, объявляет, что он больше не враг ей и т.д. Его выпустили из заключения. В Москве бесчисленные толки, а в белых газетах за границей — бунт. ... Смысл: советской власти он друг... Никаких реформ в Церкви, за исключением новой орфографии и стиля». Булгаков М.А. Дневник. Письма. 1914–1940. Изд-во «Современный писатель». М., 1997. С. 51.

⁴⁰ См.: Телеграмма В.И. Ленина и В. М. Молотова всем губернским и област-

ного имущества, церковной движимости, в ответ на которое патриарх Тихон 28 февраля призвал верующих к открытому сопротивлению, говорил об изъятии священных предметов как о «святотатстве». В Шуе верующие прогнали из церкви комиссию по изъятию ценностей. Произошло столкновение войск с демонстрантами, в ходе которого было ранено около 40 человек, 16 верующих и 26 красноармейцев. Эти события дали Ленину повод сформулировать получивший ныне известность секретный антицерковный документ.

В уже упомянутом письме Ленина Молотову для членов Политбюро,⁴¹ скрывавшемся в советскую эпоху, намечены контуры акции ГПУ, соответствующей указанной выше политической стратегии.⁴² Официально Ленин поручил руководство акцией председателю ВЦИК М.И. Калинину, который должен был стать единственным «источником информации» для прессы. В действительности же руководство было поручено Троцкому, причем Ленин отметил, что это должно держаться в строгом секрете, так как еврейское происхождение Троцкого дало бы новый «материал» для антисемитской пропаганды белогвардейцев и церкви.⁴³ (Еврейское происхождение Троцкого причинило проблемы уже при назначении его наркомом). В письме Ленина расправа с церковью обосновывается несколькими причинами. Главной мотивацией, конечно, было преодоление ожидаемого сопротивления изъятию церковных ценностей. В этой связи нужно сказать, что Ленин (благодаря Троцкому) многократно переоценил объем и ценность подлежавшего конфискации имущества,⁴⁴ и одновременно недооценил

ным комитетам РКП(б). 30 июля 1921 г. In: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 463–464. Засуха охватила такие обширные территории страны, что это привело бы к катастрофе даже в условиях нормально функционирующей экономики, а тем более – в хаотической ситуации, сложившейся по окончании гражданской войны.

⁴¹ Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б). 19 марта 1922 г. В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 516–519.

⁴² Главным организатором акции был Л.Д. Троцкий при непосредственной поддержке Ленина и Сталина. Молотов попытался смягчить несколько смягчить проект Ленина–Троцкого, нацеленный по существу на полную политическую ликвидацию церкви. См. цитированную статью Н.Н. Покровского, с. 28–31.

⁴³ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 517–519. Арест Тихона Ленин считал нецелесообразным, хотя Тихон и «несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев». См.: Nedava J. Trotsky and the Jews. P. 120 и Krausz T. Kutatás közben. Megjegyzések a Lenin-tematikához az „új” dokumentumok fényében. In: Krausz T. Lenintől Putyinig. La Ventana. Budapest, 2003. P. 15–27.

⁴⁴ По официальным источникам, к 1 ноября 1922 г. было изъято: золота – 33 пуда 32 фунта, серебра – 23 997 пудов 23 фунта, бриллиантов – 35 670 штук и т.д., оценочная стоимость которых (за исключением «антикварных вещей)

инстинкт самозащиты церкви, то есть тот факт, что церковные ценности уже ранее были укрыты в «надежном месте». Несмотря на то, что Ленин считал православную церковь «последним оплотом белогвардейской черносотенной контрреволюции», «изъятие ценностей», конечно, одинаково распространялось на все вероисповедания.

Военный стиль ленинского письма, выражения вроде «решающее сражение» «разбить неприятеля» и т.д. показывают, что Ленин действительно готовился к решающей схватке. Далее, он принял во внимание, что, вопреки первоначальным планам, население очень медленно переходило к активной поддержке нового режима, и ему казалось, что определенную роль в этом играет и церковь. Главным образом от большевиков отделились средние и зажиточные слои крестьянства, недовольные порядками времен гражданской войны и военного коммунизма. Церковь могла стать политическим союзником именно этих слоев. С этими фактами связана приводимая ниже самая жестокая, устрашающая мысль письма (хотя свою роль здесь играет и чувство мести, значение которого часто преувеличивается в модной ныне интерпретации): «Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».⁴⁵

В действительности речь шла о реализации побед, достигнутых на фронтах гражданской войны, в области политики, чего нельзя было добиться без применения террора. Несомненно, что Ленин все еще находился под влиянием психологии «кто кого», характерной для гражданской войны, без учета этого факта невозможно понять серию репрессий 1922 г. При чтении обзоров ГПУ создается впечатление, что этот психоз овладел и аппарат новой власти. Уже весной Ленин получил из крупных городов много известий о различных формах сопротивления, оказываемого церковью. В различных местах страны проходили и демонстрации рабочих, в этих случаях было бы трудно доказать наличие организованных призывов со стороны церкви.⁴⁶ В

составляла 4 650 810 золотых рублей. Была получена лишь малая часть того, чего ожидал Троцкий. Троцкий объяснял ничтожность суммы тем, что во время гражданской войны белые в сотрудничестве со священниками вывезли церковное золото за границу. Н.Н. Покровский считает, что церковные ценности были разграблены воюющими сторонами. Тем самым он вступает в противоречие с тезисом, что изъятие ценностей означало распродажу старой России. Из полученной в результате изъятия суммы 1 млн. рублей был, по предложению Троцкого, истрачен на закупку хлеба для голодающих и значительных средств потребовало проведение самой кампании. См.: Политбюро и церковь. С. 12–14, 79–80 и далее.

⁴⁵ В.И. Ленин. Известные документы. С. 518–519.

⁴⁶ Были города, губернии, заводы, где рабочие выступили против изъятия

упомянутом выше письме Ленин ссылался на сообщение Российского телеграфного агентства о «подготавливающемся черносотенцами в Питере сопротивлении» декрету об изъятии церковных ценностей (23 февраля 1922 г.). Он считал, что «черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение», но делает это в неблагоприятный для него момент, совершая «громадную стратегическую ошибку». ⁴⁷ Нет никаких оснований утверждать, что события в Шуче ⁴⁸ были исходным пунктом для осуществления какого-либо плана сопротивления. В свете документов ныне можно утверждать, что там произошло скорее местное выступление.

Под влиянием ожидаемых событий Ленин предложил усилить «секретно-полицейский» характер сбора церковных ценностей. ⁴⁹ Шуйский протест, сопровож-

церковных ценностей. Против него протестовали рабочие целого ряда московских и петроградских заводов. «28 марта после собрания верующих а Театре революционной эстрады толпа двинулась по Литейному проспекту с пением псалмов, приглашая попутно проходящих на собрание по поводу изъятия церковных ценностей». Госинформсводка за 1 и 2 апреля № 29/293. In: «Совершенно секретно». С. 132.

⁴⁷ В.И. Ленин. Известные документы. С. 516.

⁴⁸ 13 марта комиссия, созданная согласно декрету ВЦИК от 23 февраля 1922 г. О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих, объявила в шуйском соборе об изъятии ценностей, однако под влиянием толпы возбужденных верующих перенесла работу на 15 марта. Перед этим комиссия в спокойной обстановке взяла на учет ценности синагоги. 15 марта на Соборной площади собралась большая толпа. Подъехавшая конная милиция была встречена угрозами и камнями, вслед за чем прибыла полурота сухопутного полка. Из толпы раздались выстрелы, после чего командир красноармейцев приказал стрелять в воздух. Второй залп был в толпу, которая после этого разбежалась. Было убито 4 человека, легко ранено – 10 человек. В конце концов было собрано около 10 пудов серебра, драгоценные камни, жемчужные ризы и другие ценности. В Шучу была послана комиссия из авторитетных лиц, которая пришла к выводу, что уездная комиссия по изъятию ценностей действовала правильно, и предложила местным властям выяснить виновных в сопротивлении властям и передать их для примерного наказания в Ревтрибунал. Там же. С.519–520.

⁴⁹ Вслед за этим Ленин одобрил телеграмму Политбюро о временной приостановке изъятий. По его мнению, это должно было создать у «противника» впечатление, «будто бы мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать». В то же время Ленин настаивал на строгом наказании виновных в шуйских событиях. «Самого патриарха Тихона, – писал он, – я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как должно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского и

давшийся беспорядками, пришелся кстати: «...Для нас именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления». ⁵⁰ Таким образом, Ленин был уверен в том, что большинство крестьянства в данный момент не поддержит духовенство, если оно будет сопротивляться декрету советской власти. Ссылаясь на «одного умного писателя», под которым он имел в виду Макиавелли, он писал, что народные массы не вынесут длительного применения жестокостей, поэтому жестокости нужно осуществлять «самым энергичным образом и в самый краткий срок». ⁵¹

Ленин надеялся получить от изъятия прибыль в несколько сотен миллионов золотых рублей, ⁵² часть которой предполагалось обратить на ликвидацию голода, а другую часть – сосредоточить в государственном фонде, обеспечивающем государственную деятельность и хозяйственное строительство. Ленин – ошибочно – придавал важное политическое значение созданию такого фонда в период подготовки к Генуэзской конференции, обещавшей восстановление экономических связей с Западом, в то время как сотрудники дипломатической службы считали неактуальным с

Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно». Там же. С. 518.

⁵⁰ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 516.

⁵¹ Там же. С. 517.

⁵² Нарком внешней торговли Л.Б. Красин попытался взять на себя нелегальную реализацию конфискованных ценностей за границей и критиковал завышенные представления Троцкого о размерах возможной прибыли. Даже работники Коминтерна занимались реализацией ценностей и использовали вырученные таким образом деньги на поддержку международного революционного движения. Однако Н.Н. Покровский впадает в крайность, говоря о «готовности большевистских лидеров идти в разрушении своей страны до конца ради верности призраку перманентной мировой революции». См.: Политбюро и церковь. С. 12–14, 20. На самом деле музейные ценности не выпускались в рыночный оборот. В соответствии с декретом О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих в целях охраны культовых предметов, имевших историческую и художественную ценность, «вещи бесспорно музейного значения» передавались «на хранение в отдел музеев». Подлежавшие конфискации предметы, необходимые для проведения богослужения, заменялись менее ценными. См.: Dmitrijeva N.A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 161.

внешнеполитической точки зрения радикальное выступление против церкви. В отличие от них, Ленин смотрел на дело, исходя из того, что великие державы понимают лишь язык силы, поэтому он оценивал акцию против церкви и в качестве своего рода демонстрации силы.

Видя в церкви лишь «придаток» белогвардейщины и черносотенства, Ленин, несомненно, недооценил ее социальные корни. Социально-политическая роль православной церкви не исчерпывалась этим, хотя характер ее участия в гражданской войне послужил главной причиной того, что ее влияние на общество и моральный авторитет резко ослабли, и в итоге она была политически дискредитирована. С другой стороны, фантазию, представление Ленина об «уничтожении» церкви также необходимо сопоставить с действительностью. Было бы ошибкой понимать под этим действительное, физическое уничтожение православной церкви или хотя бы такое намерение.⁵³ В конце концов выступление против церкви не привело к насильственным акциям протеста в широких слоях населения. Это выясняется из обзоров ГПУ, предназначенных для информирования высшего руководства. По логике аппарата власти, меры по устрашению считались «успешными».⁵⁴

⁵³ Существует много работ на эту тему. Н.Н. Покровский ссылается на следующие: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Paris, (1977). С. 285, 314; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 204; Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 106. Считается, что в ходе изъятия 1922 г. в стране произошло 1 414 кровавых инцидентов. Есть сведения, что в ходе всероссийской кампании в результате столкновений и по приговорам судов погибло и было расстреляно 8 100 человек. Говорится и о том, что в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. было поднято 231 судебное дело, по которым были вынесены приговоры 732 человекам. См.: Политбюро и церковь. С. 78. 8 мая 1922 г в связи с событиями в Шуе московский трибунал приговорил 11 человек (священников, благочинных и граждан) к высшей мере наказания, 4 человек – к 5 годам, 13 – к 3 годам, 10 – к одному году заключения. Осужденные к высшей мере наказания обратились с жалобой в Кассационный отдел Высшего трибунала, который ходатайствовал перед ВЦИК о смягчении приговора. Приговор шести священникам был оставлен в силе, шести осужденным высшая мера была заменена пятью годами лишения свободы. Л.Б. Каменев с самого начала настаивал на отмене всех приговоров, в конце концов восторжествовало «промежуточное» мнение. См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 522–523.

⁵⁴ Госинформсводка за 4 апреля № 31/296. «В г. Шуе после событий, имевших место 14 марта, со стороны духовенства и верующих никаких выступлений против изъятия ценностей не было. «Совершенно секретно». С. 148. Госинформсводка за 1 и 2 апреля № 29/293. Согласно данным об изъятии церковных ценностей по Северному краю, «работа комиссии проходит спокойно». В Псковской губернии: «Работа комиссии по изъятию церковных ценностей проходит без особых конфликтов. В большинстве духовенство к изъятию от-

Высылка интеллигенции

Среди других «не знающих моральных границ» политических шагов Ленина, проявлений его антигуманной террористической политики упоминается тот факт, что в 1922 г., почти одновременно с антицерковной кампанией, он выступил с инициативой высылки из Советской России 228 известных представителей русской интеллигенции (от Н.А. Бердяева до П.А. Сорокина и членов редакции журнала *Экономист*).⁵⁵ Ссылка, являвшаяся традиционной частью русской политической культуры, входила и в ленинскую «традицию». Как и в случае с духовенством, Ленин не пользовался специальными теоретическими аргументами, теоретическим оправданием и при высылке оппозиционной интеллигенции, однако и в этом случае есть возможность проникнуть во внутренние «тайны» его политического мышления.

В свете новейших исследований ясно вырисовывается, что Ленин с помощью описанных ниже диктаторских мер стремился повысить шансы советской власти на выживание «ценой наименьших жертв», то есть по принципу «высылка вместо расстрела». Будучи инициатором и «стратегом» этой акции, Ленин разработал её с точностью такой же осмотрительностью и скрупулезностью, как и наступление на церковь.

Возможность и конкретные условия изгнания были открыто сформулированы Лениным 12 марта 1922 г. в статье «О значении воинствующего материализма».⁵⁶ Суть акции была изложена им 19 мая в секретном письме Ф.Э. Дзержинскому. Политбюро ЦК на заседаниях 24 мая и 8 июня без возражений поддержало конкретные предложения Ленина. Осуществление репрессивных мер – не без тенденциозности – было связано с завершением судебного процесса над эсерами. Составление окончательного списка подлежащих высылке лиц было поручено комиссии из 3 человек (Л.Б. Каменева, Д.И. Курского и И.С. Уншлихта).⁵⁷ Здесь нет нужды останавливаться на технических и организационных подробностях акции, осуществленной ВЧК–ГПУ, однако необходимо коснуться тех предпосылок, которые толкнули Ленина на эту акцию.

Конкретное исследование подчеркивает значение разнородных, наслаивавшихся друг на друга причин, отделенных друг от друга в историческом пространстве и времени. Неприязнь, испытываемая революционерами по отношению к определенной

носится пассивно. Часть духовенства и антисоветские элементы ведут скрытую агитацию среди масс населения, вследствие чего отношение к изъятию большинства населения недоброжелательное». Там же. С. 132–133.

⁵⁵ Макаров В.Г. – Христофоров В.С. Предисловие. In: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ 1921–1923. «Русский путь». М., 2005. С. 41.

⁵⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 23–33.

⁵⁷ Артизов А., Макаров В., Христофоров В. Введение. In: «Очистим Россию надолго...». С. 6–7.

части бунтовавшей, сопротивлявшейся или только недовольной интеллигенции, помимо указанных выше властных, политических соображений, отчасти опиралась и на иные исторические предпосылки. Корни этой неприязни уходили как минимум к 1909 году, ко времени публикации одиозного сборника *Вехи*, к позиции его известных авторов (Н.А. Бердяева, М.О. Гершензона, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, П.Б. Струве и др.), которые и в годы гражданской войны, и после введения НЭПа излагали свои взгляды в соответствии с характерной для них «антибольшевистской, антисоциалистической и антиматериалистической» системой ценностей. Кроме того, и здесь сыграла свою роль проблема голода. Другая группировка интеллигенции, входившая в Помгол (Всесоветский комитет помощи голодающим, создан 21 июля 1921 г.) в кампании против голода отказалась от пути сотрудничества с советским правительством, считала проблему голода признаком беспомощности советского правительства и стремилась подорвать его авторитет на Западе. Позже намерение Комитета послать на Запад делегацию вызвало тяжелый конфликт во ВЦИК, в конце концов, дело дошло до арестов и 27 августа Комитет был распущен.

Курс на сотрудничество со «старой» интеллигенцией («привлечение специалистов»), который как раз после введения НЭПа активно поддерживался Лениным, натолкнулся на сопротивление группы ведущих интеллектуалов, которые не хотели служить политике большевистского правительства. Ещё в 1970-е гг. была опубликована пространная книга, автор которой, говоря о «вовлечении старой интеллигенции в строительство социализма», упомянул и об «акции» против представителей интеллигенции, не умолчав и о том, что в 1922 г. на основании ст. 57 уголовного кодекса РСФСР по обвинению в «контрреволюционной пропаганде и агитации» был прекращен выход наиболее известных буржуазных журналов *Экономист*, *Экономическое возрождение*, *Мысль* и т.д. В книге, хотя и неточно, говорится о высылке в северные губернии «160 наиболее активных буржуазных идеологов» (Е.Д. Кусковой, С.Н. Прокоповича, А.С. Изгоева и других).⁵⁸ Однако в ней не раскрыта сложная политическая борьба, из которой родилась «операция по высылке».

Помимо множества упомянутых факторов, «обезглавливание» старой интеллигенции подготавливалось борьбой за руководящие посты, развернувшейся в высших учебных заведениях. В этой борьбе сторонники советской власти без её непосредственной поддержки не имели шансов на рубеже 1922–23 гг. добиться серьезного влияния в университетах и редакциях интеллигентских журналов, к тому же в конце 1921 – начале 1922 г. развернулись забастовки в университетах, которые также были

⁵⁸ Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. Изд-во «Наука». М., 1972. С. 286–288. Ясно, что Федюкин был знаком лишь с частью документов, опубликованных Артизовым, так что его данные и точка зрения уже устарели.

остановлены насильственными мерами.⁵⁹

По предложению Ленина, 7 членов Помгола были сосланы в мелкие города России. Позже им была предоставлена возможность поселиться в губернских столицах, за исключением Петрограда, Москвы, Киева, Одессы и Харькова, или выехать за границу «за свой счет».⁶⁰

Тем временем, опираясь на инструкцию Ленина, коммунистическая интеллигенция приступила к критике буржуазного мышления, подготавливая идеологическую почву для вытеснения, удаления его представителей. Более того, Ленин прямо предложил обязать членов Политбюро «уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг» и *систематически* собирать «сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей».⁶¹ Известно, что Ленина ещё задолго до событий 1922 г. занимала мысль о высылке «старой» интеллигенции за границу. В апреле 1919 г. он дал интервью американскому журналисту Линкольну Стеффенсу, прибывшему в Россию по поручению Уильяма Буллита (первого американского посла в СССР). На вопрос о красном терроре Ленин ответил: «Он (террор – Т. К.) наносит революции тяжелые удары как изнутри, так и извне, и мы должны выяснить, как избежать его, контролировать или направлять его. Но мы должны больше знать о психологии, чем мы знаем сейчас, чтобы провести страну через это безумие. Террор служит тому, чему должен служить... Мы должны найти какой-то путь, как избавиться от буржуазии, высших классов. Они не дадут нам совершить никакие экономические перемены, на которые они не пошли бы до революции, поэтому их надо вышибить отсюда. Я лично не знаю, как можно запугать их, не прибегая к казням. Конечно, они вредны как вне, так и внутри страны, но все же меньше будут вредить в эмиграции. Единственное решение я вижу в том, чтобы угроза красного террора способствовала распространению ужаса и вынуждала их бежать. ... Необходимо сломить абсолютное, стихийное сопротивление старых консерваторов, а прежде всего – упрямых либералов...».⁶²

Эта позиция была подкреплена оправдывающей террор аргументацией Троцкого. Троцкий высказался так же откровенно, как и Ленин. Информирова международное общественное мнение в интервью американской журналистке Л. Брайант-Рид, напечатанном 30 августа 1922 г., он заявил, что речь идет о «проявлении гуманности большевиков». «Те элементы, – сказал он, – которые мы высылаем или будем вы-

⁵⁹ Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». In: Отечественные архивы, 2003, № 1. С. 76. См. еще: Dmitrijeva N.A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 162.

⁶⁰ Dmitrijeva N.A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 160.

⁶¹ «Очистим Россию надолго...». С. 109. См. еще с. 6–7.

⁶² Dmitrijeva N. A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 166–167. См. еще: Мельниченко В. Личная жизнь Ленина. С. 216–217.

сылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальное оружие в руках наших врагов. В случае новых военных осложнений ... все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно».⁶³

Однако и в ходе самой операции возник неизбежный и роковой вопрос: кто и по каким признакам может отделить «друзей от врагов». Этот вопрос вызвал серьезные сложности уже в августе и сентябре 1922 г., так как за некоторых из 230 подлежащих высылке интеллигентов заступились такие близкие Ленину большевистские руководители, как А.В. Луначарский, Г.М. Кржижановский, Л.Б. Каменев, А.К. Воронский, который поручился за писателя Е.И. Замятина, В.В. Осинский, ходатайствовавший за известного экономиста Н.Д. Кондратьева, и другие. Они ссылались на научные, экономические и политические интересы государства, связанные с сутью НЭПа.⁶⁴ Не совсем ясно, чего ожидали от «гуманитарной» интеллигенции представители советской власти. Суть была не в идеологической поддержке власти, а в её признании и приспособлении к ней, хотя встречается и мнение, что Ленин и его сподвижники ожидали похвал власти. Время похвал наступит позже, в другую эпоху. В то же время выдворение «инакомыслящих» не может заслонить тот факт, что одна часть антисоветской эмиграции стремилась вызвать обострение внутренних противоречий в России, главным образом в области культурной жизни, а другая её часть в определенном смысле положительно относилась к Советской России.

Это иллюстрируется интересным документом, письмом Горького Бухарину, написанным в июне 1922 г. и содержащим впечатления автора письма об эмигрантской интеллигенции в Берлине. Коснувшись одной из своих статей, Горький писал, что «кое-кого она убедила в том, что советская власть – власть исторически оправданная... Слышу, что наиболее порядочные люди из эмигрантов говорят: статья примиряет с советской властью, что, действительно, только большевизм мог оживить крестьянство. Вопрос о жестокости – мой мучительнейший вопрос, я не могу отрешиться от него. Всюду наблюдаю я бессмысленное озверение, – вот, сейчас, здесь травят Алексея Толстого, вероятно сегодня ему устроят публичный скандал. С какой дикой злобой пишут о нем *Руль* и *Голос*».⁶⁵

Н.А. Дмитриева считает, что административная ссылка, т.е. ссылка или высылка без суда, была придумана не большевиками. При царском режиме она широко применялась по отношению к представителям политической оппозиции. Советская

⁶³ «Очистим Россию надолго...». С. 317.

⁶⁴ Артизов А., Макаров В., Христофоров В. Введение. С. 11.

⁶⁵ Письмо А.М. Горького Н.И. Бухарину. 1. VI. 22. РГАСПИ, ф. 329, оп. 2, д. 4, л. 9.

власть переняла многие элементы старой администрации, не является исключением и интересующий нас случай. Между прочим, Соловецкие острова вместе с монастырем ещё в 1922 г. были переданы ГПУ для создания там концентрационных лагерей для политических заключенных. Пассажиров «философского парохода» могли ведь послать и туда, а не в Германию. Год спустя, 27 мая 1923 г., Ф.Э. Дзержинский в письме И.С. Уншлихту выразил сомнение в целесообразности широких высылки по подозрению. С этого времени практика высылки прерывается, уступив место гораздо более жестоким мерам наказания.⁶⁶

Уроки процесса над эсерами

Сообщение о будущем процессе над эсерами было обнародовано в конце февраля 1922 г., почти одновременно с вынесением решения о наступлении на церковь. Сам процесс проходил с 8 июня по 7 августа 1922 г. Он был наиболее типичным элементом ликвидации антикоммунистической политической оппозиции, частью завершения гражданской войны, актом показа обществу прошлых и настоящих «преступлений» подсудимых с целью убедить людей в том, что те, кто пошел против советской власти, неминуемо попадают в «лагерь контрреволюции», поэтому с ними нужно расправиться.

Здесь необходимо напомнить о том, что упомянутая выше «политическая деятельность» как источник террора почти с самого начала переплелась с ролью «мелкобуржуазной демократии» в революции и гражданской войне. Значение этого Ленин подчеркнул в знаменитой речи, произнесенной 27 ноября 1918 г. на собрании партийных работников Москвы. Обобщая накопившийся к тому времени опыт гражданской войны, Ленин сказал: «Вы знаете, что по всей России во время чехословацкого выступления, когда оно проходило с наибольшим успехом, в это время по всей России шли кулацкие восстания. Только сближение городского пролетариата с деревней укрепило нашу власть. Пролетариат, при помощи деревенской бедноты, только он выдерживал борьбу против всех врагов. И меньшевики и эсеры в громадном большинстве были на стороне чехословаков, дутовцев и красновцев. Это положение требовало от нас самой ожесточенной борьбы и террористических методов этой войны. Как бы люди с различных точек зрения ни осуждали этого терроризма (а это осуждение мы слышали от всех колеблющихся социал-демократов), для нас ясно, что террор был вызван обостренной гражданской войной. Он был вызван тем, что вся мелкобуржуазная демократия повернула против нас. Они вели с нами войну различными приемами – путем гражданской войны, подкупом, саботажем. Вот такие условия создали необходимость террора. Поэтому раскаиваться в нем, отречься от него мы не должны».⁶⁷

Опыт, накопленный к 1922 г., не смягчил отношения Ленина к «мелкобуржуазной

⁶⁶ Dmitrijeva N. A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 175, 183.

демократии». Известно, что в ходе процесса руководители эсеров были осуждены по обвинению в «контрреволюционной антисоветской деятельности». Подготовка процесса была предана широкой гласности. На передний план были выдвинуты состоявшиеся раньше эсеровские покушения на представителей советской власти, а также дальнейшая организованная политическая деятельность против власти. Цель этого почти не скрывалась: втиснуть «социалистическую оппозицию» в категорию «антисоветской и контрреволюционной интеллигенции». Причем речь шла не о какой-либо «антиинтеллигентской» установке Ленина, хотя, как мы видели, такая установка была для него в определенной степени характерна и вытекала, с одной стороны, из классово-политической позиции (интеллигенция располагает интересами, отличными от интересов рабочего класса), а с другой стороны, из политического опыта, показывавшего, что из-за своего «индивидуализма» значительная часть интеллигенции не подчинится «коллективистскому порядку и дисциплине», установленным советской властью. Однако в данном случае, как мы уже подчеркивали, целью Ленина являлось укрепление советских политических институтов, этой цели был подчинен и вопрос об эсерах.

Во всяком случае, в ходе процесса сила партии эсеров, некогда самой многочисленной в России, была окончательно подорвана, часть ее членов, как и члены других политических организаций, например, *Бунда*, еще раньше присоединилась к большевикам. Причиной этого можно считать отчасти «всасывающее влияние» власти, а отчасти то, что под влиянием победы в гражданской войне многие искренно перешли на сторону советской власти. Если верить сообщениям ГПУ того времени, процесс над эсерами – несмотря на несогласие внутренней оппозиции и зарубежные протесты – нашел положительный отклик в широких слоях общества. Жажда *порядка* оказалась сильнее многих важных требований демократии, люди редко задумывались о смысле и значении выбора между однопартийной и многопартийной системой, апатия и разочарование не способствовали распространению в обществе теоретической и правовой чуткости. А те, кто задумался над этим вопросом находясь на стороне советской власти, поддерживали большевиков как «политических выразителей» этой власти.

Все советские руководители от Луначарского до Ленина высказали свое мнение о справедливости и политическом значении процесса, совершенно не отрицая его политических характер. Больше того, они сами разработали его «концепцию», что было особенно важно, так как на скамью подсудимых были посажены социалисты. При этом мало внимания уделялось правовому обоснованию процесса.

В конечном итоге репрессии против эсеров и меньшевиков также включали в себя намерение власти добиться «добровольного» отъезда руководителей этих партий за границу или их изоляции в отдаленных губерниях страны.⁶⁸ Больше того, опублико-

⁶⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 214.

⁶⁸ Конечно, эти цели ВЧК–ГПУ было хорошо поняты и самими арестованными.

ванные документы «процесса над правыми эсерами» показывают, что Ленин и другие большевистские руководители, ссылаясь на политическое и военное сопротивление эсеров во время гражданской войны, требовали от привлеченных к суду эсеро-ских политиков признаний и гарантий на будущее. Они ждали от них отказа от военного и политического сопротивления советской власти, однако их постигло разочарование даже несмотря на то, что обвинителями на процессе выступали такие большевистские руководители, как Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский или Г.Л. Пятаков, которые теоретически и политически проанализировали политическую деятельность эсеров, организацию ими самарского «альтернативного» правительства, Комитета членов Учредительного собрания, вооруженное сопротивление Красной армии, словом, историческую роль эсеров в гражданской войне. Собственно говоря, подсудимым было предъявлено обвинение в «измене», так как правые эсеры «с оружием в руках выступили против диктатуры пролетариата». Согласно газетным отчетам того времени, Пятаков задал обвиняемым вопрос, каково было бы их поведение, «если бы они были освобождены из-под стражи: будут ли они вести вооруженную борьбу против советской власти? Товарищ Пятаков подчеркивает, что для Трибунала чрезвычайно важно знать это при вынесении приговора».⁶⁹ Дав смелые ответы, руководители эсеров однозначно заявили о сохранении прежних взглядов, как это сделала, например, и не входившая в руководство Е.А. Иванова-Иранова: «Если бы я очутилась на свободе, я поступила бы так, как подсказала бы моя ненависть к вам, которая живет во мне с октября 1917 г.».⁷⁰

Быть может, наиболее авторитетный и известный руководитель партии, А.Р. Гоц, в длинной речи, произнесенной в качестве «последнего слова», заявил: «Мы признательны вам за то, что вы дали нам возможность этот ответ высказать полностью и если эта наша исповедь, которую мы здесь высказали, волею судеб явится нашим завещанием, то мы считаем, все-таки, что мы свой долг выполняем до конца и выполним его до самого последнего конца, так как подобает его выполнить революционерам. И что бы вы нам сейчас не судили, мы, если вы нас осудите, мы умрем как революционеры мужественно, глядя смерти в глаза. Если нам суждена жизнь, то мы будем жить как социалисты, работая во имя социализма, как мы работали до сих пор

ми и протестовавшими меньшевиками, о чем свидетельствует множество документов: Протест ЦК РСДРП во ВЦИК в связи с расширяющейся политикой репрессий против социал-демократов (Москва, 8 декабря 1921 г.); Заявление в президиум ВЦИК группы социал-демократов, заключенных Бутырской тюрьмы (12 декабря 1921 г.) и т. д. In: Меньшевики в 1921–1922 гг. РОССПЭН. М., 2002. С. 387–391 и далее.

⁶⁹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.) Подготовка. Проведение. Итоги. Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. РОССПЭН. М., 2002. С. 512.

⁷⁰ Там же. С. 513.

и как мы этот социализм понимаем». ⁷¹

Хотя под давлением международной социал-демократии смертные приговоры были заменены лишением свободы, Ленин и другие руководители большевиков убедились в том, что политическая оппозиция не примирится с диктатурой большевистской партии. А между тем настоящей ставкой в этом процессе было как раз демонстративное завершение административной ликвидации «антисоветских политических партий». ⁷²

Ныне уже не вызывает сомнений, что такой, пренебрегающий правовыми процедурами способ удаления политической и идеологической оппозиции был не просто «плохим примером» на будущее, но и прокладывал путь применению таких мер, следствием которых стала бесконтрольность всего процесса изоляции политических противников. Ленин и большевистское руководство воздвигли для своих политических противников и, как выяснилось позже, для свободы мысли в целом полицейские преграды, не поставив перед собой *конкретно* вопроса о возможности ликвидации этих преград. Главным остался вопрос, поднятый еще в октябре 1917 г.: «Удержат ли большевики государственную власть?»

До сих пор мы старались показать сложное отношение Ленина к политическому принуждению, к насилию и террору, следуя логике определенной цепи событий. Однако, по всей видимости, картина будет более полной, если мы рассмотрим эту проблему и ход мысли Ленина на примере процесса, затронувшего иные, более широкие массы. Если мы хотим разобраться в проблеме насилия и террора в русской революции и на заре советской истории, то едва ли не самой пригодной для этого для этого будет тема судьбы российских евреев, которой уделяется не слишком много внимания в новейших обобщающих трудах по истории революции. ⁷³ При рассмотрении «еврейского вопроса» ярче вырисовывается непосредственное столкновение Ленина с террором, насилием, антисемитизмом и расизмом, и мотивы его подхода к этим явлениям.

⁷¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. РОССПЭН. М., 2002. С. 778.

⁷² Ленин принял отмену смертных приговоров, но считал неправильным заключение соглашения между представителями трех Интернационалов на условии неприменения смертной казни к эсерам. В конце концов, как уже упоминалось, смертные приговоры были вынесены, но не были исполнены. Между прочим, на процессе присутствовали наблюдатели от западноевропейских социал-демократов. См. статью Ленина Мы заплатили слишком дорого, опубликованную в Правде 11 апреля 1922 г. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 140.

⁷³ В уже цитированной репрезентативной работе Драма русской истории об истории погромов говорится лишь то, что генерал Деникин, руководитель Добровольческой армии, ответственной за значительную долю массовых убийств, в своих мемуарах упомянул о «погромах еврейского населения» как об одной из причин поражения белых. Драма российской истории. С. 333.